

В. А. Баграёнок

ЭТИКА ДИСКУРСА В ПОЛИТИКЕ
(РЕФЛЕКСИЯ ИДЕЙ Ю. ХАБЕРМАСА)

Политика на сегодняшний день является одной из наиболее крупных и динамично развивающихся сфер человеческой жизни. Рассмотрение политики через призму взглядов Ю. Хабермаса вызвано прогрессивными взглядами философа. Его основная идея, касающаяся политического дискурса, состоит в «истинной власти» – в коммуникации, которая должна происходить в форме диалога. Особое видение политики Ю. Хабермаса состоит в оригинальном подходе философа, в который включают: герменевтико-феноменологическую методологию, идею «жизненного мира», применение коммуникативной рациональности с целью рационализации структур «жизненного мира», формирование общественного мнения и делиберативную политику.

Немецкий философ Юрген Хабермас – один из наиболее значительных представителей западной философии последней трети XX века [1, с. 5]. Творческий капитал Хабермаса внушительен: им написано около 30 книг, в которых наряду с собственно философскими рассматриваются вопросы ряда социальных и гуманитарных наук – социологии, культурной антропологии, правоведения, этики, психологии, лингвистики и других, при этом важнейшим стало то, что Хабермас описывал недостатки классических теорий, к примеру, критической теории [Там же].

Главный недостаток классической философии эпохи модерна Ю. Хабермас видит в монологичности (т.е. субъект-объектной направленности) ее исследовательской парадигмы, в ее претензиях на получение объективного научного знания о социальных процессах в результате индивидуальных усилий познающего субъекта. Взамен он предлагает диалогичный (т.е. не субъект-объектный, а межсубъектный, интерсубъектный) поиск истины в процессе социальной коммуникации, направленной на консенсус [2, с. 2]. Так как Хабермас не только является одним из наиболее авторитетных ученых в академической философии, но и одним из наиболее активных участников политических дискуссий в публичной сфере, его выбор на исследование политического концепта и коммуникации в ней пал не случайно [3, с. 256]. Хабермас разделял точку зрения немецко-американского философа Х. Арндт о том, что власть не есть результат насилия, а результат взаимодействия, диалога членов общества, нацеленного на взаимопонимание. Хабермас развил идеи рациональности такого диалога и задачи власти по сохранению подобной практики. Безусловно, все политические трактаты устремлены на анализ центральной политической категории – категории власти. Но Ю. Хабермас отстает от известного понимания М. Вебера, согласно которому власть – «способность индивида А заставить индивида В выполнять действия в своих интересах». Философу ближе подход вышеупомянутой Х. Арндт: «Власть – это способность граждан действовать ради общего блага, договорившись друг с другом в непринужденной коммуникации» [3, с. 265]. Главная функция

политической коммуникации, как известно – борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности. Ю. Хабермас заостряет внимание на феномене истинно «главной власти» – не административной, а коммуникативной [4, с. 12]. Для Хабермаса (в этом он в значительной степени наследует Ясперсу с его «философской верой» в коммуникацию – это синтез философии и религии, которая сближает культуры [5, с. 111]) в центре осмысления фундаментальных проблем политики права – вопрос подлинной, неискаженной коммуникации. Так, философия политики и права в его размышлениях тесно переплетается с этикой, коммуникативистикой, теорией дискурса [3, с. 257].

Ю. Хабермас выделяет два типа властного действия: стратегическое и коммуникативное. В первичной оригинальной типологии действий Хабермаса 60-х гг. главной парой понятий были инструментальный и коммуникативный типы действия. Впоследствии он, пользуясь уже несколько иными критериями различения, выделил следующие четыре типа: стратегическое, норморегулирующее, экспрессивное (драматургическое) и коммуникативное действие. При этом *стратегическое действие* включает в себя инструментальное и «собственно стратегическое» действие [6]. Упоминая действия властного типа, Хабермас описывает стратегические действия как воздействие одной стороны на другую при помощи угрозы применения санкций или прорисовывает перспективы материального вознаграждения для того, чтобы принудить к взаимодействию. *Коммуникативное же действие* предполагает такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий в целях достижения согласия и признания значимости позиций обеих сторон [7, с. 191]. При этом он говорит не просто о коммуникации, а о коммуникативном действии как о фундаментальном типе социального действия. Данное понятие становится одним из центральных для всей хабермасовской теории коммуникации, которую в силу ее всеобъемлющего диалогического характера мы будем называть *диалогикой*. Под коммуникативным действием немецкий мыслитель понимает «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий» [7, с. 190]. Это определяет и исследование политической коммуникации. Герменевтико-феноменологическую методологию, разработанную Х.-Г. Гадамером, Э. Гуссерлем и др., Ю. Хабермас стремится применить в политическом анализе, используя ее в своей критической теории общества. Рассмотрим данный вопрос подробнее. Центральным для феноменологического подхода является понятие «*жизненного мира*». Э. Гуссерль определяет его как совокупность субъективных, непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, которые всегда изначально заданы в повседневном жизненном опыте, не в объективно заданных, а субъективных взглядах, нормах и ценностях людей, религиозных предпочтениях. Эти представления предшествуют научному опыту исследователей и не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций» [8, с. 3].

Хабермас интерпретирует субъективные смыслы «жизненного мира», которые сообщают участники диалога в стремлении достичь взаимопонимания, в отличие от подхода точных наук [9, с. 95]. По мнению Хабермаса, «жизненный мир» разделяется на две сферы: во-первых, это коммуникации, направленные на частные интересы, т.е. приватность, а во-вторых, это коммуникации, направленные на общие интересы, т.е. *публичная сфера*. Таким образом, публичная сфера понимается как сфера коммуникативного действия, направленного на общие интересы; это совокупность обыденных неприватных коммуникаций, противостоящих политической и экономической системам, которые интегрируются посредством власти и денег [10, с. 135].

Наряду с коммуникативным действием Ю. Хабермас использует еще одну категорию – «дискурс» [7, с. 191]. *Дискурс* – это семантически многозначный и лингвистически довольно расплывчатый термин, который в его политической философии практически полностью совпадает с диалогом. На это обстоятельство указывает целый ряд современных исследователей. Так, О. Ф. Русакова пишет: «По Хабермасу, дискурс представляет собой диалог, – согласование спорных притязаний на значимость с целью достижения согласия» [7, с. 192]. Философ различает «две формы коммуникации: коммуникативное действие (интеракция) – с одной стороны, дискурс – с другой. В первом случае значимость наивно предполагается смысловой связанностью в целях обмена информацией, связанной с приобретенным опытом» [7, с. 191]. Во втором случае дискурс у Хабермаса конституируется коммуникацией, а не проблематизацией, как у Фуко. Не дискурс возникает по поводу проблемы, а проблемы репрезентируются дискурсом [10, с. 133]. В идеале дискурс по Ю. Хабермасу – это образец, модель выработки коммуникативной компетенции. Конкретные дискурсы могут быть более или менее успешными, но не исключены споры, обиды, несогласия (дисконсенсусы). Для Хабермаса важнейшее значение имеет сам факт актуальности дискурса или общественного диалога. Именно в нем коллективно вырабатываются правила совместного общежития людей, в том числе и в публичной сфере, где осуществляется политическая коммуникация и дискурс (диалог) власти и общества [7, с. 195]. Диалог требует соблюдения определенных неписаных и официально не закрепленных принципов (культуры диалога или регламента его проведения) со стороны всех участников, равенства и симметрии их дискурсивных позиций, возможности не только выслушать чужую, но высказать и аргументировать свою собственную позицию, возразить партнеру (оппоненту) по диалогу, затем вновь толерантно выслушать замечания или критику в свой адрес. «Участники диалога, стремящиеся преодолеть трудности понимания, могут в итоге прийти к удовлетворительному решению, потому что распределение в диалоге ролей “говорящего” и “адресата” всегда уже предполагает существование той глубинной симметрии, которая необходима для любых ситуаций вербального общения. Каждый компетентный “говорящий” участник диалога уже научился пользоваться системой личных местоимений; кроме того, он умеет обмениваться в разговоре перспективами первого и второго лица. В динамике такого взаимного обмена

перспективами и имеет свое основание процесс совместного создания горизонта значений, в котором обе стороны способны прийти... к intersубъективно разделяемой интерпретации» [7, с. 193].

Совокупность условий, обеспечивающих в ходе переговоров коммуникативный консенсус, обозначается понятием *этика дискурса*. Этика дискурса, по Хабермасу, характеризуется тем, что он формулирует четкие рациональные правила: ни одна из сторон, затрагиваемых предметом обсуждения, не должна исключаться из дискурса (требование общего блага); все участники должны иметь равную возможность предъявлять претензии на общезначимость и критиковать других (автономия); участники должны быть готовы и способны «вчувствоваться» (to empathize) в претензии других на общезначимость (принятие идеальных ролей); существующие между участниками различия в смысле обладания властью не должны оказывать воздействие на выработку консенсуса (нейтральность); наконец, участники должны открыто разъяснить свои цели и намерения (прозрачность) [3, с. 256]. В этой связи Хабермас рассматривает политику с точки зрения не функциональности, а этического подхода, обсуждения моральных норм общества, влияющих на осуществление политики. Как последователь И. Канта, он полагает, что общество должно по предписаниям разума определять нормы, правила. Этому служит дискурсивная этика. В отличие от подхода Парсонса, обсуждение ценностей, норм общества происходит не на уровне государственного аппарата, а в публичной сфере гражданского общества. Таким образом, Хабермас развивает *контрактуалистский подход*, предполагая, что государственный строй, его легитимность должны утверждаться не только государственной элитой, а рационально обсуждаться и определяться всем обществом. Также и нормативные основы, ценности общества должны «оправдываться» в обсуждениях граждан – этому служит коммуникативное действие. В контрактуализме отношения граждан основаны на взаимоуважении, основой для обсуждения также становится коммуникативный подход, предложенный Хабермасом [9, с. 99]. Ю. Хабермас рассматривает взгляды людей не только как существующие отдельно, но и как intersубъективно связанные в обществе, чему служит коммуникация, взаимопонимание. Он отвергает различие понятий *общность* и *общество*, чувство идентичности, приобщение к культурным ценностям для взаимопонимания людей происходит в intersубъективном жизненном мире. При усвоении знаний, традиций происходит социализация, далее воспроизводство культурных символов общества, за счет чего поддерживается общественная интеграция на социальном, а не на системном уровне, чему служит язык, общественность сознает себя как «языковое сообщество». Ученый критикует рационально-бюрократическую природу современных государств, в которой реализуется инструментальная рациональность, ее критерии – эффективность и целедостижение [9, с. 100].

Рассматривая этику дискурса в качестве инструмента публичной политики, Ю. Хабермас формулирует свою концепцию делиберативной или диалогической политики, построенной не на силе принуждения, не на

рыночной прагматике и экономическом расчете, а на диалоге, в основе которого лежат принципы взаимопонимания и признания политических притязаний всех сторон [7, с. 191]. Ю. Хабермаса интересует не субъект вообще (человек как таковой), а субъект направленной социально-политической активности, который может выступать в таких модальностях, как отдельный индивид, социальная группа и даже гражданское общество или социум в целом [7, с. 190]. *Делиберативность* (от *deliberation* ‘обсуждение’ [2, с. 6]), по мнению Ю. Хабермаса, представляет собой политическую установку, направленную на социальное и политическое сотрудничество, на открытость, готовность внимать разумным доводам других лиц так же, как своим собственным. Пространство публичной делиберативной коммуникации создает благоприятные условия для добросовестного обмена мнениями. Диалог мнений, вынесенный на общественно-политическую арену, обладает силой легитимации, поскольку в нем проявляется отношение граждан к существующей власти, а также политическая воля граждан, требующая своего воплощения в нормах закона и в административных практиках демократических государственных институтов. Делиберативная политическая практика рассматривается Ю. Хабермасом с позиции легитимации демократической дискурсивной процедуры, управляющей переговорным процессом и механизмом принятия решений [7, с. 191]. Демократия и право в его трактовке не просто внутренне взаимосвязаны (как в либертарной концепции В. С. Нерсисянца, где демократия и право предстают как равноценные составляющие свободы – ее институциональную и нормативную формы). *Демократия* у Ю. Хабермаса – это конституирующая основа права, которое выступает как продукт демократического, т.е. справедливого, в его понимании, дискурса. Права человека для него – это не только и не столько то, что обеспечивает возможность участия человека в процессе социальной и политической коммуникации, сколько продукт такого участия. Концепция демократии участия Ю. Хабермаса (демократии, ориентированной на максимально полное вовлечение в политический процесс выработки решений всех заинтересованных сторон на равных основаниях) базируется на специфической трактовке гражданского общества, в рамках которой «либералистское представление о гражданском обществе как сфере хозяйственного взаимодействия частных собственников уступает место модели добровольных ассоциаций, которые образуют центры политической коммуникации». Суть современной демократизации он видит в установлении нового «разделения властей» – не между государственными властями, «но между различными источниками интеграции общества» [2, с. 6].

Таким образом, Хабермас развивает оригинальный подход к политической коммуникации. Существенными чертами данного подхода являются: 1) герменевтико-феноменологическая методология при изучении коммуникации, в отличие от позитивистского подхода, раскрывающая качественный аспект коммуникации и глубинный смысл сообщаемого ее участниками; 2) нормы и ценности не задаются политической системой с целью легити-

мации, а рассматриваются и проясняются на уровне «жизненного мира» – субъективных ценностей и предпочтений граждан, посредством коммуникации в публичной сфере; 3) применение коммуникативной рациональности, коммуникативного действия способствует сохранению и рационализации структур жизненного мира. Благодаря этому становится невозможной «технизация» жизненного мира как совокупности подлинных норм, ценностей граждан в интересах политической системы. Это защищает суверенитет, сознание личности, охраняемой от манипуляции со стороны государственной и экономической подсистем, и способность к рациональному суждению и действию; 4) формирование общественного мнения в «публичной сфере» поддерживает основы демократии, не давая перейти к авторитарно-технократическому управлению. Вместе с преимуществами подхода Ю. Хабермаса необходимо отметить, что им недостаточно полно представлен анализ конкретных политических институтов, служащих поддержанию коммуникации и делиберативной демократии. Поэтому проведение прикладного исследования представляется важной задачей. Однако противоречия между идеалами теории демократии, определением подлинного общественного мнения и пониманием политической коммуникации в системном подходе были преодолены в его теории. Существование принципов «неискаженной» политической коммуникации и формирование подлинного общественного мнения объясняет теория коммуникативного действия, служащая осуществлению делиберативной демократии [9, с. 103].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фурс, В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В. Н. Фурс. – Минск : ЗАО «Экономпресс», 2000. – 224 с.
2. *Лапаева, В. В.* Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарного правопонимания) [Электронный ресурс] / В. В. Лапаева. – Режим доступа: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Lapaeva.Polit_prav_konc_Habermasa.pdf. – Дата доступа: 06. 04. 2021.
3. Диалог как восприятие Другого в политике / А. О. Зиновьев [и др.] // *Власть*. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 263–270.
4. *Хабермас, Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука (Сер. «Слово о сущем»), 2001. – 417 с.
5. *Кцоева, С. Г.* Философская вера или о смысле религиозных воззрений Карла Ясперса / С. Г. Кцоева // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 6 (12): в 3-х ч. Ч. II. – С. 107–111.
6. Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса [Электронный ресурс] / *История философии: Запад-Россия-Восток (книга четвёртая. Философия XX в.)*. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – 448с. – Режим доступа : <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st079.shtml>. – Дата доступа : 11. 04. 2021.

7. *Зайцев, А. В.* Юрген Хабермас и его диалогика: понятие и сущность / А. В. Зайцев // Вестн. КГУ, 2012. – № 5. – С. 190–196.
8. *Линде, А. Н.* Значение коммуникативного подхода Ю. Хабермаса в развитии современной теории политической коммуникации / А. Н. Линде // Общество: политика, экономика, право, 2016. – № 2. – С. 53–57.
9. *Линде, А. Н.* Подход Ю. Хабермаса к теоретическому изучению политической коммуникации / А. Н. Линде // Вестн. Моск. Ун-та. – Сер. 7. Философия. – 2015. – № 5. – С. 91–104.
10. *Зиновьев, А. О.* Роль дискурса в организации политических позиций / А. О. Зиновьев // ЖССА, 2003. – № 4. – С. 130–144.

Поступила в редакцию 30.04.2021